

УДК 82.0

*Бреславец Т.И.***Послевоенные сочинения Дадзай Осаму¹****Dazai Osamu's Post-War Works**

В заключительный период жизни (1945-1948) Дадзай Осаму (1909-1948) пишет повести "Заходящее солнце" ("Сяё") и "Потерянный человек" ("Нингэн сиккаку"), которые становятся шедеврами среди его книг. Они полны рефлексии, чувства сожаления и вины. Мотивы смерти, отчаяния, деградации характеризуют послевоенные сочинения Дадзай. В это время он известен как писатель "Неоразвлекательной группы" ("Сингэсакуха").

Ключевые слова: Япония, война, абсурд, литература, индивидуум.

In the last period of the life (1945-1948) Dazai Osamu (1909-1948) writes the novels "The Setting Sun" ("Shayo") and "No Longer Human" ("Ningen sikkaku"), which are known as masterpieces among his books. These stories are filled with reflections, regrets and confessions. Motives of death, despair, degradation characterize Dazai's post-war works. He is known as a writer of "Neo-Entertaining group" ("Singesakuha") at this time.

Key words: Japan, war, absurd, literature, individual.

В творчестве Дадзай Осаму (Цусима Сюдзи, 1909-1948) нашло отражение самоотчуждение личности с его настроениями саморазрушения и усталости. Автор как видный представитель "Неоразвлекательной группы" ("Сингэсакуха") свое пессимистическое мироощущение выразил в последних произведениях – повестях "Заходящее солнце" ("Сяё", 1947 г.) и "Потерянный человек" ("Нингэн сиккаку", 1948 г.), в которых показал состояние упадка человека и общества. В этих работах нельзя не видеть отпечатка психоанализа З. Фрейда, литературы Д. Г. Лоуренса, философии экзистенциализма. Выдающийся мастер слова, Дадзай отразил в художественных произведениях трагедию своей эпохи, метания интеллигенции, собственные душевные страдания.

В период 1945-1948 гг. его творчество начинает окрашиваться во все более мрачные тона, обретая пессимистическую направленность. Оно проникается настроениями абсурдности бытия и никчемности человеческого существования. В героях повести "Заходящее солнце", которая стала широко известным произведением Дадзай, в полной мере реализовалось его видение мира и человеческих судеб в нем. В Японии даже

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации. Программа "Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010)", проект "Проблемы развития литератур Дальнего Востока в XX веке". № 2.1.3/1668.

появилось выражение семьи заходящего солнца (сяёдзоку) для пришедших в упадок аристократических семейств. В этом отношении повесть перекликается с пьесой А. П. Чехова "Вишневый сад", о которой не раз упоминается в книге.

Главные герои произведения – Кадзуко, выступающая рассказчицом, ее брат Наодзи, их мать, последняя из аристократов, и писатель Уэхара Дзиро. Все они переживают глубокую депрессию, страдая от последствий войны. В повести создана атмосфера упадка, духовного опустошения, деградации человеческой сути. Аристократическая семья оказалась разоренной. Переехав в деревню, две беспомощные женщины, мать и дочь, пытаются наладить свой быт. Мать, не в силах вынести безысходности, заболевает туберкулезом и медленно угасает.

Жена писателя Уэхара безропотна и смиренна, боится причинить мужу какое-либо беспокойство, сосредоточенно заботится о семье. В отличие от нее Кадзуко ниспровергает нормы общепринятой морали, восстает против традиционной добродетели, заявляя о своей непокорности судьбе. "Я очень живо представляю себе, – говорит она, – что если буду и дальше влечить такое существование, сама моя жизнь начнет разлагаться, как разлагается прямо на дереве лист банана, и от этого мне становится страшно. Я не могу этого вынести. Поэтому я хочу бежать от такой жизни" [1, с. 85].

В письмах к писателю Уэхара она открыто его добивается, чтобы выбраться из нищеты. Вскользь упоминается, что за лето она прочла один роман Лоуренса. Это замечание характеризует героиню как женщину, стремящуюся к самореализации в своих естественных желаниях, и роль соблазнительницы измученного писателя ее не смущает. В письме к нему она говорит: "Я люблю безнравственных людей. Люблю тех, у которых на лбу написано, что они аморальны. Я бы и сама с удовольствием стала безнравственной, и пусть это будет написано у меня на лбу. Мне кажется, что только тогда я смогу выжить" [1, с. 94].

Она полемически настаивает на падении как условия выживания. Кадзуко переполнена эмоциями и мечтами, а действительность населяет литературными героями, сравнивая с ними окружающих. Похоронив мать, она понимает, что нельзя бесконечно предаваться скорби, и переходит в наступление, борясь за осуществление своей любви. На этом пути ее ведут слова Иисуса Христа, обращенные к двенадцати ученикам, которых он направлял в мир, чтобы разоблачать лицемерие и возвещать об истинной Божественной любви. Обращение писателя к Библии, безусловно, является провокационным приемом, но только он способен высветить кризисное состояние личности, утратившей все ценности, кроме любви: "Интересно, рассердится ли на меня Иисус Христос, если я дам клятву свято следовать этим его заповедям, но только ради плотской любви? Я не понимаю, почему так дурна плотская любовь, и чем она хуже любви целомудренной, – недоумевает Кадзуко. – Я не могу отделаться от ощущения, что в сущности это одно и то же. О, я способна заявить во всеуслышанье: есть человек, который ради этой непонятной целомудренной любви, ради плотской любви, ради печали, от нее неотделимой, готов погубить душу и тело в геенне огненной, и этот человек – я" [1, с. 116].

Она безоглядно отказывается от норм морали, преодолевает запреты, устремляясь к страстной любви, разрушает свое прошлое, надеясь на возрождение в новой жизни. Добившись цели, Кадзуко решительно отказывается от Уэхара, проявляя волю и твердость характера. В последнем письме к нему она торжествующе объявляет: "Мое желание исполнилось, и душа обрела покой – так спокойно бывает только лесное озеро. Я победила. Дева Мария понесла не от мужа своего, но, родив, она

вся лучилась от гордости и стала Богоматерью. Я испытываю глубокое удовлетворение от того, что, без колебаний преступив старую мораль, смогла обрести прекрасного младенца" [1, с. 140].

Кадзуко совершает революцию, ниспровергая моральные устои старого мира: "Родить ребенка от любимого человека и воспитать его – вот моя революция!" [1, с. 141]. Свою позицию она противопоставляет "революционной" демагогии Уэхара и ему подобных.

В образе Наодзи, неудавшегося литератора, предстает молодой Дадзай Осаму, каким он был в пору создания сборника рассказов "Последние годы" ("Баннэн", 1936). Наодзи пристрастился к наркотикам, о чем свидетельствовали бессвязные записи в его дневнике. В юности он был увлечен левыми идеями, но скоро на смену политическому активизму пришло разочарование, повергшее его в отчаяние: "Идеи? Ложь. Принципы? Ложь. Идеалы? Ложь. Порядок? Ложь. Искренность? Истина? Чистота? Все, все – ложь" [1, с. 73].

Ему претит лицемерие людей, их мелочная расчетливость. "Справедливость? Вряд ли суть так называемой классовой борьбы именно в этом. Гуманность? Чушь! Уж я-то знаю, – уверяет он. – Низвергать других ради собственного благополучия. Убивать. Если это не смертный приговор, то что же? Нечего притворяться!" [1, с. 75-76].

С началом войны на Тихом океане Наодзи был призван в армию и отправлен на фронт, откуда вернулся "бледный как смерть", разбитый физически и совершенно деморализованный. Он прожигает жизнь, уже не видя в ней смысла, и доводит себя до самоубийства. В предсмертной записке Наодзи слышится жалоба самого Дадзай, который через год уйдет из мира.

С последними словами Наодзи обращается к сестре, развертывая перед ней историю своего поражения. Невозможность перейти на позиции пролетариев, завоевать их доверие, действовать на основе грубой силы заставляет его отказаться от попыток слиться с "атакующим классом". В великосветской среде, которой он принадлежит по рождению, он также не находит отклика своим устремлениям к добру и красоте. Дадзай выдвигает проблему существования индивида во враждебном обществе, когда единственным выходом для человека остается смерть.

Позиция Наодзи сравнима с убеждениями Мерсо, героя повести Альбера Камю "Посторонний" (1942 г.) Невольный убийца, он "осужден за то, что не играет в игру окружающих, – утверждает писатель. – В этом смысле он чужд обществу, в котором живет. Он бродит в стороне от других по окраинам жизни частной, уединенной, чувственной. Он отказывается лгать... Он говорит то, что есть на самом деле, он избегает маскировки, и вот уже общество ощущает себя под угрозой" [3, с. 11].

В предсмертной записке Наодзи рефреном звучат угнетающие его слова о том, что все люди одинаковы. Протестуя против нивелировки личности, он расценивает эти слова как исключительно пошлые, в которых выражается презрение и к другому, и к самому себе. Они лишают человека необходимости прилагать усилия, идти путем самосовершенствования. "Однако эти продиктованные ревностью слова, – пишет Наодзи, – каким-то чудом претворились в идею, были подхвачены простым народом и начали свое триумфальное шествие по миру. Пусть сначала они не были связаны ни с демократией, ни с марксизмом, но со временем им удалось как-то незаметно соединиться с соответствующими политическими и экономическими теориями и приобрести удивительно вульгарный привкус" [1, с. 131]. Из дилеммы "непохожесть и одинаковость" творческая личность извлекает "непохожесть", преодолевая ограниченность, диктуемую обществом, но оказывается не в состоянии существовать в мире заурядности.

В образе Уэхара писатель также выводит самого себя, показывая человека, находящего "на пути к гибели", выдвигающего нигилистические идеи. Это саморазрушающаяся личность, которая постепенно умирает. Встретившись с Уэхара после долгих лет разлуки, Кадзуко обнаруживает перед собой, неизвестное существо, погибающее от туберкулеза.

Разочарованный человек, он груб и агрессивен, в нем сошлись безучастность интеллектуала и бунтарство крестьянина. Дадзай раскрывает обособленное сознание человека, отгороженного от общества, прозябающего в границах собственной конечности. Он пассивно отдается течению событий, а сам уже не способен на глубокое чувство. Союз Кадзуко и Уэхара осуществился на изломе времен, когда новая Япония еще не родилась, а старая уже погибла, и он выглядит очередной карикатурой писателя на события послевоенной эпохи – хаос и разруху, царящие на земле и в душах людей.

Повесть производит впечатление "литературы поражения", герои которой выведены как жертвы своего времени, но Дадзай поэтизирует это поражение, говоря: "Жертвы – вот самое прекрасное, что есть в этом мире" [1, с. 141]. Повесть пронизывает мотив гибельности, воплощенный в судьбах ее героев.

Кадзуко, единственная, кто остается в живых, тоже осознает себя жертвой, но в то же время ей присущи черты демоничности. Она ощущает в себе вампирическую способность лишать жизненной силы окружающих, и в первую очередь это касается ее отношений с умирающей матерью, из которой она как бы высасывает все соки, хоть и противится этому [1, с. 50]. Разрушительны столкновения Кадзуко и с братом Наодзи, поскольку она оспаривает у него любовь матери [1, с. 63-64]. Противоборство сестры и брата завершается победой Кадзуко: в то утро, когда она пережила счастье осуществления своей мечты, ее брат покончил с собой.

Новая жизнь, которую носит в себе Кадзуко, заставляет ее отрицать прошлое, отказаться от настоящего и смело смотреть в будущее, смиренно полагая, что ее предназначение состоит в преодолении. Связь с Уэхара она не считает падением, напротив, она горда своим преодолением – способностью на дне гнетущей тоски, бессилия, отчаяния найти возможность выжить и прожить жизнь до конца. В женском оптимизме, в возможностях креативности, Дадзай предлагает видеть разрешение конфликта между индивидом и обществом, любовью и идеологией. Кадзуко осмысляет ход истории и ее цели как условие воспроизводства всего живого на земле в единстве духовного и плотского.

Тема любви варьируется Дадзай в различных обстоятельствах жизни героини – от мимолетной встречи Кадзуко с молодым офицером до ее роковой страсти к писателю Уэхара. Этой страсти, которая удерживает человека в жизни, противопоставлена трогательная несбывшаяся любовь Наодзи к Суга, жене Уэхара, которая рисуется как символ благородства и чистоты.

Дадзай создал многоплановое произведение, в своеобразную структуру которого включены дневник Наодзи и его предсмертная записка, а также письма Кадзуко к Уэхара. Все это сообщает повести колорит субъективного изложения, сквозь который реалии бытия проступают размытыми, придавая суггестивной стилистике писателя дополнительные краски. Психологический анализ чувств, отношений, переживаний проводится с предельной искренностью, и картина страданий достигает убедительной полноты.

Последним крупным сочинением Дадзай стала повесть "Потерянный человек", в которой герой по имени Оба Ёдзо ведет рассказ о своей горькой судьбе. Повесть считается автобиографической, поскольку

ее события сходятся с фактами жизни писателя, однако, литературно переосмысленные, они выводят портрет того поколения, которому принадлежал автор.

В трех частях произведения автор последовательно изучает путь падения своего героя – от детских страхов до взрослой ущербности. В заключение Ёдзо видит в отце источник всех бед и обвиняет его в бесплодности собственной жизни: "Новость об отце подействовала на меня ошеломляюще. Нет отца, не стало того близкого и одновременно очень страшного человека, о котором я никогда не забывал ни на миг; я ощутил, что сосуд моих страданий опустел. И такая мысль пришла в голову: не из-за отца ли столь тяжел был этот сосуд страданий? Мною овладела полнейшая апатия. Я потерял способность даже страдать" [2, с. 150].

С детских лет Ёдзо тревожат проблемы человеческого существования, которые "испепеляют его душу", он задается вопросом: ради чего люди живут? "Чем чаще я думал об этих вещах, – признается он, – тем меньше понимал и тем большее беспокойство терзало меня. А также страх, что я один не такой, как все. Я не в силах общаться с целым миром" [2, с. 15]. Сознание собственной исключительности порождает фобию, и Ёдзо теряет способность к социализации. Он ищет средство отгородиться от мучительного для него мира людей, если нельзя с ним полностью порвать, и находит его: "И тут меня осенило: надо стать паяцем" [2, с. 15]. С этого момента жизнь героя превращается в трагифарс. Психологически достоверно Дацзай показывает, что "шутовское кривляние", "гримаса улыбки", "притворство", "ни слова правды" становятся единственной нитью, связывающей его с людьми, доступным для него видом общения.

Ёдзо не имеет представления о делах родных, ощущает себя чужаком в семье с ее унылым существованием и понимает, что никогда не сможет выйти из этого круга отчуждения, пребывания вне жизни. Учеба в средней школе явилась для него тягчайшим испытанием, ученики и учителя внушали ужас. "В эти годы служанки и слуги обучили меня кое-каким гнусностям, целомудрия я лишился..." – признается герой [2, с. 24]. Раствление окончательно сделало из него изгоя. Столкновение с изнанкой жизни, с несправедливостью и лживостью заставляют его еще больше замкнуться в себе.

Поступление в школу высшей ступени хоть и стало новым этапом в судьбе Ёдзо, но не изменило его невысокого мнения о человечестве. Однако в этой среде он случайно обретает товарища. Дацзай прибегает к приему контрастного противопоставления персонажей и выводит Такэити как антипода Ёдзо. Герой был потрясен тем, что Такэити разгадал его уловки, нарочитое кривляние, и из страха быть разоблаченным подружился с ним, приручил его. Он, конечно, не допускал возможности доверительной дружбы и на этом убеждении строил свои отношения с ним.

Загадочную часть человечества для Ёдзо составляли женщины – эти "непостижимые существа", с которыми он тоже всегда держался настороже, но они к нему относились благостно. Он выделяет в них такие качества, как импульсивность, азартность, непринужденность, а также веселость и стремление к полноте ощущений.

В юности Оба Ёдзо переезжает из провинции в Токио, чтобы "учиться в старших классах столичной гимназии", и мечтает стать большим художником, однако в городе его постепенно затягивает богемная среда. Его приятелем становится Масао Хорики, который был старше его на шесть лет и занимался европейской живописью. Он научил Ёдзо "пить сакэ, курить, развлекаться с проститутками, закладывать вещи в ломбард и разглагольствовать о левых идеях" [2, с. 45]. Непринужденность

была кажущейся. "Скованность, робость, безотчетная тревога, страхи почти доводили меня до безумия", – определяет герой свое состояние [2, с. 47].

Увлечение левым движением было недолгим. Наблюдательный аналитик, Дадзай психологически верно рисует отношения нигилистской личности с нелегальной организацией – сборищем отверженных, "жалких потерянных людей, нравственных уродов". В этой среде Ёдзо чувствовал себя в безопасности, атмосфера подполья его успокаивала так же, как обиталище "кретинок-проституток". О разных поручениях марксистского кружка он говорит иронично, травестируя идею подвига и служения. Разрыв с организацией заставил его задуматься о смерти.

Тема смерти закономерно вытекает из неспособности героя принять жизнь, и трагический настрой повести, звучащий в начале, реализуется в акте двойного самоубийства с официанткой из кафе, Цунэко, к которой у героя просыпается чувство любви. Решив покончить с нищетой и унижениями "позорной жизни", они бросаются в море у берегов Камакура. Потом полет чаек ассоциируется у него со случившемся: "Позади меня высоко в стене было окно, из которого виднелось закатное небо, в нем летали чайки, выписывая в воздухе иероглиф женщина" [2, с. 82].

Вскоре после попытки самоубийства у Ёдзо обнаружили болезнь легких. Из больницы его препроводили в тюрьму, а затем отдали поручителю, из дома которого он сбежал, не вынеся заточения. Его жизнь покатила под уклон. Он оплакивал свой загубленный талант художника, "потерянные шедевры" – несколько автопортретов, сделанных во время учебы.

Передышкой для него стала встреча с Сидзуко, сотрудницей одного журнала, однако семейное сосуществование с ней и ее пятилетней дочерью оказалось невыносимым испытанием. В Сидзуко он ощутил женщину-вампира и в ответ на ее замечание, что лицо у него совсем старое, как у сорокалетнего, бросил: "Из-за тебя. Ты из меня соки высосала" [2, с. 105]. Отчаявшись найти взаимопонимание, он покидает и этот дом, который тоже стал для него клеткой.

В общении с людьми Ёдзо приходится сносить обиды, подавлять свои чувства – возмущение или ярость. Комплекс неполноценности, сформированный в раннем возрасте, сопровождает его всю жизнь, все более разрастаясь. В смятенном сознании героя общество предстает жестоким и страшным, как темная враждебная сила, довлеющая над ним. Переходя на экзистенциальный уровень осмысления жизни, автор предлагает укрепиться во мнении, что "общество и отдельный индивидуум в чем-то тождественны" [2, с. 104]. Человеческие проблемы реализуются и решаются в межличностных отношениях, в определенных действиях и ситуациях, в которых каждый хочет обладать превосходством над другим.

"Общество. Кажется, мне все же удалось, наконец, в какой-то мере постичь смысл этого понятия. Всего-навсего соперничество индивидуумов, соперничество сиюминутное и конкретное, в котором каждый непременно стремится победить – вот что это такое. Человек никогда так просто не подчинится другому человеку; раб – и тот старается одержать победу, хотя бы ценой низкого раболепия. Вот почему люди, чтобы выжить, не могли придумать ничего лучше, кроме как перегрызть друг другу горло. На словах ратуют за что-то великое, но цель усилий каждого – Я и снова Я. Проблемы общества – это проблемы каждого Я, океан людей – не общество, это множество Я" [2, с. 109].

Придя к такому умозаключению, Ёдзо несколько освобождается от гнетущего страха перед людьми, его позиция постороннего, наблюдающего за бессмыслицей текущего момента, укрепляется. Он отмечает

нравственно-поведенческие правила, опускаясь на "дно застойной жизни".

Встреча с юной Ёсико, ставшей ему женой, была лишь иллюзией спасения, но он уверовал в упорядоченное бытие. "Мне казалось, – думал он, – что я стою на пороге новой жизни – постепенно становился человеком как все, душу согревала сладкая мысль о том, что впереди нормальная жизнь, что не придется подыхать скотской смертью" [2, с. 119-120].

Безропотное существо, доверчивая Ёсико подверглась надругательству на глазах мужа, и он не смог ее защитить. Эта "гнусная картина" привела его в состояние шока. Попытка отравиться снотворным не удалась, тогда он пристрастился к морфию и оказался в психиатрической лечебнице. "Я утратил лицо человеческое. Я уже совершенно не человек", – повторяет он [2, с. 149]. После выхода из больницы он ведет заброшенное, никчемное существование, вроде чеховского Ионыча, и говорит: "Я теперь не бываю ни счастлив, ни несчастен. Все просто проходит мимо. В так называемом человеческом обществе, где я жил до сих пор, как в преисподней, если и есть бесспорная истина, то только одна: все проходит" [2, с. 152].

Дадзай Осаму считал, что слабость человеческого существа является знаком добра, а не зла. Глубоко убежденный в своей правоте, он сочувствовал человеческой слабости и по этому поводу даже вступил в полемику с писателем Сига Наоя (1883-1971), упрекая его в том, что тот не понимает "красоты слабости". Согласно Дадзай, слабый человек остро осознает, что человеческая реальность безобразна, а человеческая природа отвратительна, и поэтому вступает в неразрешимый конфликт и с самим собой, и с миром [6, с. 150-151].

Принять обыденное существование, уподобиться "бытию других" Ёдзо не сумел, отстаивая свое "инакожитие", выдвигая в формах юродства требование "свободы" и "правды". В неразумно устроенном мире абсурд доводится до крайности, нравственное самосознание подавляется, но смирение оборачивается вызовом, а поражение бунтом. Ёдзо и "общество" – это параллельные миры, которые сосуществуют, но не соприкасаются. Герой наказан за свою непохожесть, и его можно уподобить Сизифу, о котором Альбер Камю писал: "Я вижу этого человека, спускающегося тяжелым, но ровным шагом к страданиям, которым нет конца. В это время вместе с дыханием к нему возвращается сознание, неотвратимое, как его бедствия. И в каждое мгновение, спускаясь с вершины в логово богов, он выше своей судьбы. Он тверже своего камня" [4, с. 306]. Скромной стилистикой повествования, заурядностью речи бесхитростно рассказчика Дадзай убеждает читателя в своей искренности.

Дадзай Осаму можно отнести к мастерам психологической прозы, чье творчество несет гуманистические идеалы. Оно отмечено темой смерти, отчаяния, безысходности, но в нем присутствуют и жизнеутверждающие мотивы, несмотря на ироничность автора и его скепсис. Дадзай хочет верить в жизнь точно так же, как верят его герои. Эти две тенденции противоборствуют на протяжении всего творчества писателя. Яркий талант Дадзай привлекает внимание поисками добра, справедливости, истины, подлинных ценностей в человеке.

Литература

1. Дадзай Осаму. Избранные произведения. СПб.: Гиперион, 2004. 624 с.
2. Дадзай Осаму. Исповедь "неполноценного" человека / Пер. В. Скальника. М.: Аграф, 1998. 157 с.
3. Камю А. Избранное. М.: Радуга, 1988. 464 с.
4. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / Пер. А. М. Руткевича // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 222–318.
5. Рехо К. Современный японский роман. М.: Наука, 1977. 303 с.
6. Ueda Makoto. *Modern Japanese Writers and Nature of Literature*. Stanford: Stanford University Press. 292 p.